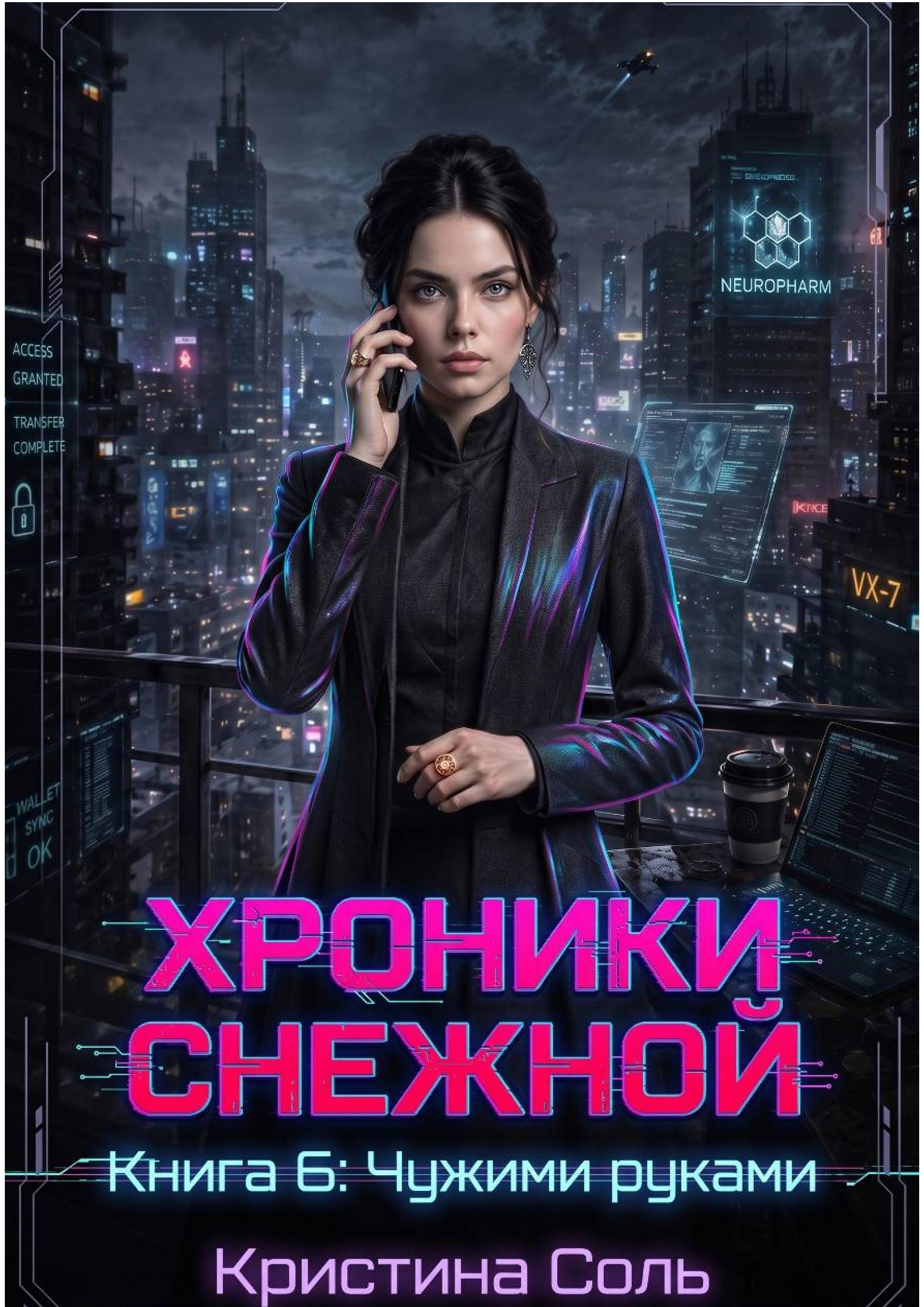

ACCESS
GRANTED

TRANSFER
COMPLETE

WALLET
SYNC
OK

NEUROPHARM

VX-7

ХРОНИКИ СНЕЖНОЙ

Книга 6: Чужими руками

Кристина Соль

Кристина Соль

Хроники Снежной.

Книга 6. Чужими руками.

«Автор»

2026

Соль К.

Хроники Снежной. Книга 6. Чужими руками. / К. Соль —
«Автор», 2026

Она приходит в себя привязанной к металлическому стулу в заброшенном складе. Чужое тело, чужая жизнь, чужие раны — и лишь кольцо на пальце напоминает Ирине, что всё это уже происходило раньше. Теперь она — Хейли, талантливый хакер, который отказался завершить взлом могущественной корпорации «Меридиан Фарма» и за это едва не заплатил жизнью. Но настоящий враг оказывается куда опаснее заказчиков. Кто-то использовал похищение как прикрытие для собственной игры, пытаясь завладеть её криптовалютным состоянием и уничтожить все следы. Вместе с независимым специалистом по цифровой криминалистике Итаном Ирине предстоит пройти по цепочке цифровых улик, блокчейн-транзакций и чужих секретов, чтобы разоблачить человека, который решил превратить чужое преступление в своё личное дело. Но время снова заканчивается. И если она не успеет поставить точку в этой истории, то исчезнет раньше, чем сможет сказать самое важное. Шестая книга цикла «Хроники Снежной». Читается самостоятельно.

© Соль К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Склад	5
Глава 2. Живая	8
Глава 3. Не та охота	10
Глава 4. Два контракта	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Кристина Соль

Хроники Снежной.

Книга 6. Чужими руками.

Глава 1. Склад

Первое, что она поняла: руки затекли выше локтей, а не в кистях. Это было неправильно — если бы связали кисти, немело бы сначала снизу. Затекло от плеч, значит, руки держали заведёнными за спину слишком долго и не в самом жёстком положении.

Мысль пришла раньше, чем открылись глаза, раньше, чем стало понятно, где она вообще находится. Такой порядок был ей знаком: сначала — оценка, потом — паника, если для неё вообще останется место. Так было каждый раз. Столько раз, что она перестала считать.

Она открыла глаза.

Бетонный потолок, серый, с пятном ржавчины в форме материка, которого не существует. Слева — штабель поддонов, разошедшихся, один расколот пополам. Справа — оконный проём без стекла, через него шёл свет: не яркий, предзакатный, с частицами пыли, которые не двигались, просто висели в воздухе, словно их забыли убрать. Сквозь проём же тянуло жарю — не изнутри склада, откуда-то снаружи, поверх запаха ржавчины и пыли.

Она сидела на металлическом стуле, руки стянуты за спинкой чем-то тонким и жёстким — стяжки, судя по тому, как впились в кожу без малейшего люфта. Ноги свободны. Это было первой странностью: тот, кто её сюда посадил, не боялся, что она убежит на своих двоих. Значит, либо не рассчитывал, что она очнётся, либо тело было настолько разбито, что бежать не могло.

Тело подтвердило вторую версию раньше, чем она успела додумать первую. Рёбра отозвались на вдох раскалённой линией под левой лопаткой. Губа была разбита и слиплась корочкой. Где-то в предплечье пульсировала боль отдельно от всего остального — не от верёвки, а глубже, под самой кожей.

Она не закричала и не заплакала. Тело хотело — судорога где-то в горле подкатила и отступила, когда она отказалась ей поддаться. Это тоже было знакомо: чужой испуг, который нужно было переждать, а не прожить.

Склад молчал. Ни шагов, ни голосов, ни радиопомех. Только ветер иногда толкался в дыру на месте окна и приносил запах то ли солёной воды, то ли ржавого металла — она не смогла бы сказать, какого города это запах, потому что никогда раньше здесь не была. Точнее — никогда не была тем, кто здесь бывал.

На безымянном пальце левой руки сидело кольцо. Она не видела его, но чувствовала — тёплое, теплее, чем должна быть кожа после стольких часов без движения. Металл на неподвижной руке давно должен был остыть до температуры воздуха. А здесь было наоборот: тепло, как будто под кольцом продолжало течь что-то своё, не завязанное на кровообращение этой конкретной руки.

Она называла это привычкой — привычкой узнавать себя по одной детали, которая переживала любое тело. Не по имени. Имена менялись быстрее, чем она успевала запомнить дату рождения хозяйки. Не по лицу — лицо каждый раз было чужим, иногда красивым, иногда нет, и она давно перестала придавать этому значения. Кольцо оставалось. И ещё — привкус во рту, тонкий, как остаточное ощущение чужого сна, будто где-то на самом доньшке памяти лежал человек по имени Матвей, о котором она не знала ничего конкретного, кроме того, что след от него не стирался.

Она не собиралась сейчас разбираться, что это значит. Раньше не разбиралась и в этот раз не станет — не то время.

Первым делом — руки.

Стяжка была из тех, что затягиваются в одну сторону: чем сильнее тянешь, тем туже. Она перестала тянуть и вместо этого начала вращать запястьями, медленно, терпя, как пластик впивается глубже с каждым градусом поворота. Кожа лопнула где-то на третьей минуте — тёплая струйка потекла под пластик, сделав его скользким. Ещё через минуту одна рука прошла.

Вторая освободилась быстрее — то ли пластик уже растянулся, то ли тело, освободив одну руку, вспомнило какую-то механику получше, чем помнила она. Пальцы двигались с уверенностью, которая не была её собственной: не судорожно, не наугад, а с чёткой последовательностью движений — сначала ослабить у основания, потом развернуть замок на девяносто градусов, потом рвануть в сторону, а не наружу. Стяжка соскочила.

Она посмотрела на собственные руки — не её руки, руки хозяйки этого тела — и увидела то, чего не заметила бы сразу без этой странной сноровки: в складках кожи у ногтей — засохшая кровь, не её: на пальцах ни одного пореза. Ногти острижены коротко, ровно, все до одного. Вдоль ребра левой ладони — едва заметное уплотнение кожи. На внутренней стороне запястья — маленький белый шрам, старый, заживший давно, той формы, какую оставляют, когда режут не всерьёз, а как предупреждение самой себе.

Тело подсказывало профессию раньше, чем память.

Стяжки уже лежали на бетоне. Она не сразу поднялась — посидела ещё секунд десять, позволяя крови вернуться в кисти без резких движений, — и только потом встала. Голова качнулась, пол на мгновение стал резиновым. Она упёрлась рукой в холодный металл стула, дождалась, пока комната перестанет плыть, и сделала первый шаг.

Склад оказался больше, чем виделось со стула: три пролёта стеллажей, пустых, где-то в глубине — силуэт погрузчика без аккумулятора, судя по открытой панели сбоку. Ни одной живой души. Ни одного звука, кроме собственных шагов и хруста мелкого стекла под подошвой.

На бетоне у стены она нашла телефон с разбитым правым нижним углом экрана, где часть пикселей уже не горела. Батарея — три процента. Она подняла его, ткнула в кнопку сбоку.

Экран засветился рваной полосой, и поверх обычного интерфейса всплыла полупрозрачная надпись, зависшая криво, словно сама программа плохо понимала, к чему её крепить: «Синхронизация с линзой прервана. Переподключение...» Строка мигнула трижды и погасла — очевидно, второй половины устройства, той, что должна была сидеть в глазу хозяйки этого тела, здесь просто не было. То ли выпала при драке, то ли её сняли специально.

Она провела пальцем по экрану — жест вышел уверенным, без раздумий, словно рука знала расположение иконок лучше, чем знала она сама. Список последних сообщений был пуст. Не «удалён», не «архивирован» — пуст, точно эта функция никогда не использовалась, хотя, судя по тому, как уверенно двигались пальцы, телефоном пользовались часами каждый день.

Кто-то вычистил всё до того, как оставить телефон здесь. Или — вычистил всё до того, как принести её сюда вообще.

Единственное, что осталось: одно уведомление, застрявшее в верхней панели, с иконкой мессенджера, которого она не узнавала, — квадратной, без подписи, словно приложение специально не хотело называть себя по имени. Текста не было видно, только цифра: «1». Она потянулась открыть — экран мигнул один раз и погас.

Батарея кончилась.

Она стояла посреди пустого склада, с разбитым чужим телефоном в разбитых чужих руках, и чувствовала, как где-то на самом дне памяти этого тела шевелится что-то тяжёлое —

не образ, не слово, а ощущение: если сообщение открыть слишком поздно, кто-то решит, что открывать было уже некому.

За спиной, там, где раньше была дверь погрузочного пандуса, скрипнула ржавая петля.
Она не одна.

Глава 2. Живая

Она отступила за угол стеллажа раньше, чем успела решить, что нужно отступить. Тело сделало это само — присело, вжалось плечом в холодный металл, сбило дыхание на короткие вдохи через нос. Реакция была быстрее любой мысли, и на секунду она позволила себе поверить, что это не страх, а навык: кто-то в этом теле уже учился не издавать звука вовремя.

Дверь пандуса скрипнула во второй раз, шире. Тени легли на бетон длинными косыми полосами — солнце садилось где-то за проёмом, и человек, вошедший следом, оказался против света: невысокий, в куртке с капюшоном, тащил за собой тележку из супермаркета, набитую спутанными проводами и обрезками медной трубы.

Он даже не посмотрел в её сторону. Прошёл вдоль дальнего стеллажа, светя себе фонариком телефона, останавливаясь у каждой панели погрузчика, простукивая обшивку костяшками — искал, что можно снять и сдать. Через минуту он свернул в противоположный пролёт и исчез за штабелем поддонов, так и не заметив ни брошенного посреди прохода стула, ни обрывков стяжки на полу.

Она выдохнула. Медленно поднялась, держась за стеллаж, и пошла в другую сторону — туда, где в стене темнел ещё один проём, поменьше, судя по всему — служебный выход.

Снаружи воздух ударил в лицо резче, чем внутри: солёный, с примесью гари и озона, будто где-то неподалёку постоянно что-то сваривали. Склад стоял на отшибе промзоны — вдоль дороги тянулись такие же коробки из ржавого металла, часть заброшенных, часть ещё работающих: над одной из крыш крутился логотип-голограмма, полустёртый, мигающий, рекламирующий доставку деталей для дронов.

Она пошла вдоль забора, держась в тени, и только тогда, на ходу, дала себе время подумать не о том, куда идти, а о том, кто она такая.

Память не пришла целиком — она никогда не приходила сразу, только по частям, в те моменты, когда тело реагировало раньше рассудка. Так было с руками у стяжки. Так, наверное, будет и дальше: обрывок за обрывком, пока не соберётся достаточно, чтобы понять, куда она попала на этот раз.

Одно она знала точно, без всяких подсказок: тело будет узнавать вещи, которые она сама никогда не видела. Она столько раз просыпалась чужой, что перестала пугаться самого факта — пугало другое: сколько времени пройдёт, прежде чем кто-то заметит, что человек, которого считали мёртвым, всё ещё дышит.

У обочины, метрах в двухстах от склада, темнел ларёк с вывеской зарядки — из тех, что стоят в промзонах для курьеров и дальнобойщиков: воткнул телефон, оплатил минуты кредитом с чипа в браслете. Браслета на запястье не оказалось — видимо, срезали вместе с остальным. Зато в кармане куртки, за подкладкой, нашёлся сложенный вдвое клочок пластика — старая, потёртая карта предоплаты с остатком в восемь часов зарядки.

Она воткнула телефон в разъём, дождалась, пока экран мигнёт первым процентом, и открыла единственное уведомление.

Сообщение было коротким, без подписи, из безымянного приложения:

«Товар должен быть у нас к среде. Второе условие — раньше. Не заставляй нас искать тебя снова».

Дата отправки — три дня назад. То есть отправитель писал это ещё до того, как её сочли мёртвой, и с тех пор молчал — либо решив, что вопрос закрыт, либо просто не проверял, дошло ли сообщение вообще.

«Второе условие». Не первое. Значит, было ещё что-то, о чём в этом сообщении не говорилось прямо, но что уже когда-то обсуждалось — раньше, до склада, до стяжек, до того, что оставило шрам-предупреждение на запястье задолго до этой недели.

Она пролистала историю выше — пусто. Ни одного сообщения до этого. Либо переписка велась в другом приложении, либо кто-то почистил всё, кроме одного пункта, который забыли стереть или намеренно оставили, чтобы напомнить.

Пальцы сами набрали в поиске по устройству одно слово — не она решила искать именно его, руки вспомнили раньше, чем она успела спросить себя, что вообще ищет: «сид-фраза». Ни одного результата. Чисто. Слишком чисто для человека, у которого, судя по тому, как руки вели себя с чужим устройством, работа была связана с чем-то цифровым и, видимо, не совсем законным.

Она закрыла список приложений и, не отпуская телефон от зарядки, открыла браузер — единственный способ, которым можно было хоть как-то зацепиться за личность тела, в которое её занесло. Строка поиска сама подставила последний запрос, сохранённый в истории, раньше, чем она успела набрать хоть букву: «как быстро вывести крипту без следов».

Значит, хозяйка тела уже пыталась спрятать деньги от кого-то — и, судя по времени запроса, не успела закончить.

Кто-то приближался.

Она не услышала шагов — увидела: по стеклу зарядного автомата, треснутому диагональной трещиной, скользнуло отражение фигуры на другой стороне улицы. Мужчина, в тёмной куртке, стоял неподвижно у столба с камерой наблюдения — слишком долго для того, кто просто идёт мимо. Он смотрел в её сторону, но не подходил.

Она выдернула телефон из зарядки раньше, чем заряд дошёл до безопасного минимума, и шагнула в тень между контейнерами.

За спиной, там же, у столба, отражение не исчезло. Оно осталось стоять и смотреть.

Глава 3. Не та охота

Он не двинулся с места, когда она вышла из тени. Стоял у столба с камерой, руки в карманах, и смотрел на неё так, как смотрят не на прохожего, а на результат, который наконец совпал с расчётом.

— Долго же ты, — сказал он вместо приветствия. Голос был ровный, без угрозы, но и без облегчения. — Две недели сигнал молчал. Я уже почти решил, что ошибся адресом.

Она не ответила. Расстояние между ними — метров пятнадцать, пустая полоса асфальта, ни машины, ни укрытия. Бежать было некуда, и тело, кажется, это тоже понимало: вес перенесён на обе ноги ровно, руки свободны, взгляд не мечется — не паника, а оценка.

— Ты знаешь, кто я? — спросила она. Вопрос был честным в обе стороны: она действительно не знала, кто он, и хотела понять, ждёт ли он от неё, что она узнает.

Он чуть склонил голову, словно вопрос его удивил не меньше, чем удивило бы прямое признание.

— Забавно, что спрашиваешь, — сказал он. — Обычно к этому моменту начинают либо врать, либо угрожать. Ты выбрала третье.

— У меня было тяжёлый день, — сказала она. Ложь получилась почти правдой.

Он подошёл на несколько шагов — не вплотную, оставляя между ними достаточно места для отступления с обеих сторон, — и достал из внутреннего кармана куртки плоский планшет, старой модели, без AR-наложения, экран настоящий, физический.

— Меня наняли найти утечку из «Меридиан Фарма», — сказал он, не отрывая взгляда от неё. — Не полиция, не их собственная безопасность — штатные уже две недели ходят кругами и ничего не нашли, кроме отчётов для начальства. Меня наняли отдельно, в обход. Тебе это имя ничего не говорит?

Обрывок памяти всплыл сам, без спроса, — не картинка, а ощущение, тяжёлое, знакомое с самого склада: заказ через кого-то, кого она не видела в лицо, и требование закончить работу. Она не позволила лицу дрогнуть.

— Говорит, — сказала она. — Но не так, как ты думаешь.

— А как я думаю?

— Что я закончила работу.

Он впервые за разговор чуть изменился в лице — не улыбка, скорее пересчёт. Планшет в его руке качнулся, точно он собирался убрать его обратно, но передумал.

— Сервер компании стоит нетронутым уже две недели, — сказал он. — Ни одной попытки повторного доступа. Значит, либо ты не заканчивала, либо закончила настолько чисто, что я ничего не нашёл, а я нахожу почти всё.

Две недели я собирал всё, что ты когда-либо оставляла в открытом доступе — форумы, старые репозитории, подряды. Почерк у тебя узнаваемый.

— Может, я не та, кого ты ищешь.

— Может, — согласился он неожиданно легко. — Только сигнал твоего устройства две недели молчал, а ожил час назад ровно в той точке, откуда шёл последний трафик перед тем, как всё оборвалось. Совпадение бывает один раз. Не два.

Она промолчала. Возразить было нечем — устройство в кармане, то самое, с одним прочитанным сообщением, было её единственной ниточкой к тому, кто она вообще такая в этом теле, и спорить с фактом, который он только что назвал, значило бы врать себе самой не меньше, чем ему.

— Хорошо, — сказала она вместо этого. — Допустим, ты прав насчёт сигнала. Что дальше? Сдашь меня своим нанимателям?

— Ещё не решил, — сказал он ровно. — Обычно решаю быстрее.

— Что мешает сейчас?

Он помолчал, разглядывая её — не как добычу больше, а как что-то, что не укладывается в схему до конца.

— Несколько часов назад, — сказал он, — по всем признакам ты должна была быть мертва. Городская сводка зафиксировала пожар в этом квартале, никто не вызывал спасателей на склад конкретно, но данные с дрона-разведчика страховой компании показали кровь у пандуса — дрон снимал только вход, вглубь склада не заглядывал. Я решил, что тебя вывезли и закопали где-то ещё. А потом сигнал ожил.

— И что тебя смущает?

— Человек, которого только что откопали заживо, — сказал он, — не выходит в тот же вечер заряжать телефон на курьерской стойке с таким лицом, будто просто забыл дома зарядку. Ты не в панике. Даже сейчас.

Она чуть не ответила честно — что паника принадлежит не ей, а телу, которое давно перестало быть её собственным домом, и что она слишком много раз просыпалась в чужой беде, чтобы позволить себе тратить силы на панику раньше времени. Вместо этого она сказала:

— Может, у меня просто закончился запас паники на сегодня.

Он не улыбнулся — но что-то в плечах чуть отпустило, словно ответ ему подошёл больше, чем он ожидал.

— У тебя есть имя? — спросил он.

— Есть. — Она произнесла его вслух впервые с той минуты, как очнулась на стуле, — имя хозяйки этого тела, чужое во рту, как выученное на слух слово из незнакомого языка. — Хейли.

— Итан, — сказал он. Не протянул руки — расстояние между ними ещё не стало таким, чтобы это выглядело уместно. — Я не собираюсь тебя сдавать сегодня. Но мне нужно знать, что случилось с той работой на самом деле, и, судя по твоему лицу, тебе тоже.

— С чего ты взял?

— Ты спросила, знаю ли я, кто ты, — сказал он. — Люди, которые прячутся от прошлого, так не спрашивают. Так спрашивают те, кто сам его не помнит.

Она не нашлась, что ответить. Где-то в глубине улицы, за спиной Итана, скрипнула, разворачиваясь, камера на столбе — механический звук, короткий, будто объектив довернулся на пару градусов, следя не за ними обоими, а за чем-то ещё, что появилось в кадре мгновением раньше.

Итан заметил её взгляд и обернулся на полсекунды позже, чем следовало.

— Это не моя, — сказал он тихо, не сводя глаз с камеры. — Городские стоят иначе, у этой корпус другой. Частная охрана.

Камера довернулась ещё на несколько градусов — теперь объектив смотрел прямо на них.

Глава 4. Два контракта

Они ушли с улицы порознь — Итан свернул за угол первым, она выждала полминуты и пошла в обратную сторону, петляя между контейнерами так, чтобы ни одна камера не поймала их вместе больше одного раза подряд. Встретились там, где он назначил заранее, брошенным на ходу: «жёлтый фургон, три квартала».

Фургон оказался переоборудованным под мобильный офис — вдоль одной стенки тянулся стол с тремя мониторами, укреплёнными на амортизированных креплениях, вдоль другой — стойка с оборудованием, часть которого гудела даже без видимой нагрузки.

— Садись, — сказал он, не оборачиваясь, уже устраиваясь перед центральным экраном. — И не трогай ничего слева. Оно кусается в прямом смысле.

Она села, стараясь не задеть локтем провода, свисающие с потолка.

— Прежде чем ты покажешь мне что-то своё, — сказала она, — я должна сказать, что нашла в телефоне Хейли. Кто-то через меня добирается до криптокошельков. Не знаю почему — руки сами набрали в поиске «сид-фраза», точно кто-то уже требовал этого раньше. И в истории браузера — старый запрос: как быстро вывести крипту без следов.

Итан выслушал, не перебивая, и развернулся к соседнему монитору.

— Это многое объясняет, — сказал он. — Давай сверим с контрактом.

Экран перед Итаном заполнился строчками лога — тысячи записей, отсортированных по времени, каждая с меткой IP и коротким хэшем сессии.

— Вот контракт, — сказал он, разворачивая к ней один из мониторов. — Не бумажный, разумеется. Смарт-контракт, платёж через прокладку, три слоя посредников. Условие простое: доступ к серверу разработки, извлечение файлов проекта под кодовым названием «Ясень», подтверждение доставки — и перевод суммы разблокируется. Ни слова про что-либо ещё.

— И ни слова про сид-фразу, — сказала она.

— Ни слова, — подтвердил он. — Я проверил три раза. Условие оплаты завязано ровно на один файл-подтверждение. Значит, тот, кто требовал у тебя доступа к личным кошелькам, делал это не по контракту заказчика. Он делал это от себя.

Она достала из кармана телефон хозяйки тела, подключила его через кабель к боковому порту стойки — рука нашла нужный кабель и развернула штекер правильной стороной раньше, чем она успела разглядеть гнездо, — и на экране рядом с логом Итана развернулась вторая колонка данных: история сообщений, метаданные, таймкоды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.